

Черрионтов
Б Е З   Г Л Я Н Ц А

ПРОЕКТ ПАВЛА ФОКИНА

Павел Евгеньевич Фокин
Лермонтов без глянца
Серия «Без глянца»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10697789
Лермонтов без глянца ; [сост., вступ. ст. П.Фокина]: Амфора; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-367-00690-2

Аннотация

В этой книге собраны отрывки из воспоминаний современников М. Ю. Лермонтова, его друзей и родных. За многочисленными голосами, каждый из которых претендует на беспристрастность, читатель сможет различить могучий и противоречивый образ великого поэта.

Содержание

«Я другой»	5
Личность	9
Облик	9
Душевный склад	13
Характер	15
Особенности поведения	18
Творчество	26
Круг интересов и увлечений	28
Поэт и женщины	31
Родные и близкие	34
Предки	34
Бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Без глянца

Сост. Павел Фокин

© Фокин П., составление, вступительная статья, 2008

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2008

* * *

Светлой памяти Валентины Семеновны Гончаренко

«Я другой»

Материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная. Зачатие его было какое-то другое, «не земное», и, пища Тамару и Демона, он точно написал нам «грех своей матери». Вот в чем дело и суть.

В. В. Розанов

Футуристы-забияки в молодые свои дни шумно воевали с наследием прошлого, с хулиганским задором разгуливая по палубам «корабля современности», круча, бурлюкая и маяча, выбрасывали за борт Пушкина, Достоевского, Толстого, давали пинка Бальмонту и Брюсову, в загрохот выпихивали Леонида Андреева и Горького. Многим досталось. А вот Лермонтова трогать поостереглись. И правильно. Он хоть и ростом не вышел, и фигурой неказист был, но крепость в руках имел могучую – шомпола в узел вязал на спор. За словом тоже в карман не лез, мог так приложить, что никакими «самовитыми» речами будетляне не отбились бы.

К. А. Бороздин, современник Лермонтова, рассказывал: «Двадцать лет спустя после кончины Лермонтова мне привелось на Кавказе сблизиться с Н. П. Колюбакиным, когда-то разжалованным за пощечину своему полковому командиру в солдаты и находившемуся в 1837 году в отряде Вельяминова, в то время как туда же прислан был Лермонтов, переведенный из гвардии за стихи на смерть Пушкина. Они вскоре познакомились для того, чтобы скоро раззнакомиться благодаря невыносимому характеру и тону обращения со всеми безвременно погибшего впоследствии поэта. Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при оказии, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным».

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.

И случись футуристам отыскать на «корабле современности» Лермонтова, заваруха была бы та еще! Что говорить, Лермонтов – это вечно звонкая «пощечина общественному вкусу». Прославившие некогда Маяковского дерзкие строки его сатирических плевков вроде «Вам» или «Нате!» – всего лишь робкое покашливание по сравнению с финалом «Смерти поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,

Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Какое невероятное напряжение звука и синтаксиса – точно жгутом свитые строки! Прошло уже сто семьдесят лет, а гнев и ярость, в них заключенные, клопочут с неутихающей силой. До озноба в сердце. И не безобидному буржуа «с котлетою вместо усов» сказано, а «властителям и судьям», которые и в каземат упрячут, и следствие учинят, и расправятся без жалости. Сильный, Лермонтов признавал только сильных противников.

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Современники боялись Лермонтова. Недолюбливали. Чурались. Он был им чужой – его одинокий парус навсегда «белеет в тумане моря голубом», борясь со стихиями и судьбою, а не с собратьями по перу.

– Скажите, Михаил Юрьевич, – спросил поэта князь В. Ф. Одоевский, – с кого вы списали вашего Демона?

– С самого себя, князь, – отвечал шутливо поэт, – неужели вы не узнали?

– Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя, – возразил князь недоверчиво.

– Поверьте, князь, – рассмеялся поэт, – я еще хуже моего Демона.

В каждой шутке есть доля истины. Что имел в виду Лермонтов, когда говорил, что он хуже Демона? Злее? Грубее? Развратнее? Если видеть в ответе Лермонтова некое признание собственной душевной порочности, то, конечно же, это будет глубокой ошибкой. Думается, смысл лермонтовских слов в ином. Демон – воплощение отверженного зла и гордыни, фигура романтическая, имеющая многовековую культурную биографию, образ могучий и – *цельный*. Поэту же такой цельности дано не было. Он был дитя нового века, «дитя неверия и сомнения», как скажет о себе его младший современник Достоевский.

Древняя легенда очаровывала ум, пленяла сознание и – *тревожила своей гармонией*, в ней зло было злом, а добро – добром. В сердце поэта такой ясности не было. Его равно манили разрушительный блеск зла и творящее сияние святости, носящийся меж темных облаков демон и поющий тихую песню ангел, летящий по небу полуночи, циничное буйство гусарства и трепетная нежность невинности, Бородино и остров Святой Елены, защитники Москвы и Наполеон, гордые чечены и лихие казаки, светская жизнь и деревенская идиллия, порок и добродетель. Пот, грохот и дым сражений и нежные ласки пери. Любовь и кровь. И всего хотелось – и ничто не было желанно.

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.

Вечное томление духа и неразборчивая трата сил.

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

Демону жить проще...

Еще при жизни Лермонтова сложилось мнение о нем как о преемнике Пушкина. И хотя в последующие годы критика (в первую очередь В. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский) нарочито пыталась подчеркнуть самобытность Лермонтова, указывая на оригинальность и самостоятельность его музыки, в сознании большинства (спасибо школе!) он по-прежнему остается «младшим братом» Пушкина.

Лермонтов, безусловно, многому учился у Пушкина. Его любовная лирика – целиком в пушкинской тональности. Сходны и принципы организации лирического сюжета. Владение поэтической речью столь совершенно, что вызывает сравнение лишь с одним образцом. Онегин и Печорин состоят в несомненном литературном родстве. Не последнюю роль в формировании идеи преемственности сыграло, конечно, и стихотворение «Смерть поэта», появившееся в самый час кончины великого песнопевца и тем самым как бы означившее прямое наследование его лиры по правилу «Король умер – да здравствует Король!»

По стихотворной дороге, проложенной Пушкиным, Лермонтов шел легко и уверенно. Можно даже сказать, слишком легко. Покаяняя и завораживая всех этой легкостью. Но самому ему было на ней неуютно. Он шел по ней один, и никто не оспаривал его первенства, но это была *пушкинская* дорога. А он искал *свою*. Пушкина он боготворил, но быть «вторым Пушкиным» – не хотел. Не мог. Как не хотел и не мог быть «вторым Байроном», которому с детства поклонялся и подражал. «Нет, я не Байрон, я другой» – можно читать и как: «Нет, я не Пушкин, я другой».

Почти неоспориимый для истории отечественной культуры факт: Лермонтов никогда не встречался с Пушкиным! А ведь этому ничто не мешало. Лермонтов бывал в петербургском свете. Одно лето они жили рядом в Царском Селе, где и сегодня-то все знают друг друга. У них были общие друзья. Пушкин читал лермонтовские стихи и хвалил их. Вообще, был открыт к новым знакомствам, дружбам, тем более – с молодыми поэтами. Есть трогательное свидетельство некоего Облачкина, как он принес мэтру тетрадку своих стихов и был сердечно им встречен и принят. Мир вообще тесен. А уж профессиональный – тем паче. Как получилось, что Лермонтова нет среди авторов пушкинского «Современника»? Даже живший в далеком Мюнхене Тютчев попал на его страницы! Такое впечатление, что Лермонтов *не хотел* знакомства с Пушкиным. «Я другой».

И вправду, гармония Пушкина была чужда Лермонтову. Он, «мятежный, ищет бури». Он – «гонимый миром странник». Его участь – страдание. «Что без страданий жизнь поэта?» В его душе – неистощимая тоска. «И скучно и грустно, и некому руку подать». Даже отрицатель Белинский, «неистовый Виссарион», был подавлен масштабом лермонтовского скептицизма. «Надо удивляться детским произведениям Лермонтова, – писал он В. П. Боткину 17 марта 1842 года, – его драме, „Боярину Орше“ и т. п. (не говорю уже о „Демоне“): это не „Руслан и Людмила“, тут нет ни легкокрылого похмелья, ни сладкого безделья,

ни лени золотой, ни вина и шалостей амура, – нет, это – сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие еще уста, это „с небом гордая вражда“, это – презрение рока и предчувствие его неизбежности. <...> Львиная натура! Страшный и могучий дух!» Лермонтов – пророк русского нигилизма, и если Пушкин – наше Всё, то Лермонтов – всё наше Ничего.

Как и Пушкин, Лермонтов обладал удивительной витальностью. Он был энергичен и неутомим. Водил множество знакомств. Любил большие собрания, светское общество, офицерские компании. С ним общались сотни людей. Но вот беда – среди них лишь единицы обладали чутким умом и внимательным сердцем, способные угадать в безудержном карнавале поэта его терзаемую смутой душу. Воспоминания, доставшиеся нам, до обидного скудны пониманием того явления, каким был Лермонтов. В их безыскусности, а порой и примитивности есть, конечно, залог некоторой объективности и правды, дающий возможность взглянуть на жизнь поэта беспристрастно, но самого Лермонтова в них почти нет. За всеми свидетельствами современников, даже самыми обстоятельными и бережными к памяти поэта, отчетливо слышен его упрямый и дерзкий голос: «Я другой».

Павел Фокин

Личность

Облик

Моисей Егорович Меликов (1818 – после 1869), художник, соученик Лермонтова по *Благородному пансиону*:

В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз).

Яков Иванович Костенецкий (1811–1885), соученик Лермонтова по *Московскому университету*:

Когда уже я был на третьем курсе, в 1831 году поступил в университет по политическому же факультету Лермонтов, неуклюжий, сутуловатый, маленький, лет шестнадцати

юноша, брюнет, с лицом оливкового цвета и большими черными глазами, как бы исподлобья смотревшими.

Николай Соломонович Мартынов (1815–1875), товарищ Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков, противник Лермонтова на дуэли:

В 18<32> году поступил юнкером в лейб-гусары, в эскадрон гвардейских юнкеров, М. Ю. Лермонтов. Наружность его была весьма невзрачна; маленький ростом, кривоногий, с большой головой, с непомерно широким туловищем, но вместе с тем весьма ловкий в физических упражнениях и с сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно приятное. Обыкновенное выражение глаз в покое несколько томное; но как скоро он воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничеством, глаза эти начинали бегать с такой быстротой, что одни белки оставались на месте, зрачки же передвигались справа налево с одного на другого, и эта безостановочная работа производилась иногда по несколько минут сряду. Ничего подобного я у других людей не видал. Свои глаза устанут гоняться за его взглядом, который ни на секунду не останавливался ни на одном предмете. Чтобы дать хотя приблизительное понятие об общем впечатлении этого неуловимого взгляда, сравнить его можно только с механикой на картинах волшебного фонаря, где таким образом передвигаются глаза у зверей. Волосы у него были темные, но довольно редкие, с светлой прядью немного повыше лба, виски и лоб весьма открытые, зубы превосходные – белые и ровные, как жемчуг. Как я уже говорил, он был ловок в физических упражнениях, крепко сидел на лошади; но, как в наше время преимущественно обращали внимание на посадку, а он был сложен дурно, не мог быть красив на лошади, поэтому он никогда за хорошего ездока в школе не слыл, и на ординарцы его не посылали.

Александр Матвеевич Меринский (?–1873), соученик Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков:

Лермонтов был брюнет, с бледно-желтоватым лицом, с черными как уголь глазами, взгляд которых, как он сам выразился о Печорине, был иногда тяжел. Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось.

Александр Францевич Тиран (1815–1865), соученик Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков, впоследствии – сослуживец:

Лермонтов имел некрасивую фигуру: маленького роста, ноги колесом, очень плечист, глаза небольшие, калмыцкие, но живые, с огнем, выразительные. Ездил он верхом отлично.

Вера Ивановна Анненкова (урожд. Бухарина; 1813–1902), адресат новогоднего мадригала Лермонтова «Не чудно ль, что зовут вас Вера?..» (1831):

В первый раз я увидела будущего великого поэта Лермонтова.

Должна признаться, он мне совсем не понравился. У него был злой и угрюмый вид, его небольшие черные глаза сверкали мрачным огнем, взгляд был таким же недобрый, как и улыбка. Он был мал ростом, коренаст и некрасив, но не так изысканно и очаровательно некрасив, как Пушкин, а некрасив очень грубо и несколько даже неблагоприятно.

Петр Иванович Магденко (1817 или 1818 – после 1875), полтавский и екатеринославский помещик, знакомый Лермонтова:

Он был среднего роста, с некрасивыми, но невольно поражающими каждого симпатичными чертами, с широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широ-

кою костью всего остова, немного сутуловат, словом – то, что называется «сбитый человек». Такие люди бывают одарены более или менее почтенною физической силой.

Корнилий Александрович Бороздин, *младший современник Лермонтова:*

Сколько ни видел я потом его портретов, ни один не имел с ним ни малейшего сходства, все они писаны были на память, и никому не удалось передать живьем его физиономии <...>. Но из всех портретов Лермонтова приложенный к изданию с биографическим очерком Пыпина самый неудачный. Поэт представлен тут красавцем с какими-то колечками волос на висках и с большими, вдумчивыми глазами, в действительности же он был, как его метко прозвали товарищи по школе, «Маёшка», то есть безобразен.

Огромная голова, широкий, но невысокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, угрюмое и желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко остриженные. Но зато глаза!.. я таких глаз никогда после не видал. То были скорее длинные щели, а не глаза, и щели, полные злости и ума. <...> От кофе он отказался, закурил пахитосу и все время возился с своим неуклюжим кавказским барашковым кивером, коническим, увенчанным круглым помпоном. Он соскакивал у него с колен и, видимо, его стеснял. Да и вообще тогдашняя некрасивая кавказская форма еще более его уродовала.

Виктор Петрович Бурнашёв (1812 или 1809–1888), *литератор, мемуарист. По записям 1836 г.:*

Подходя уже к дверям квартиры Синицына, я почти столкнулся с быстро сбежавшим с лестницы и жестоко гремевшим шпорами и саблею по каменным ступеням молоденьким гвардейским гусарским офицером в треугольной, надетой с поля, шляпе, белый перистый султан которой развевался от сквозного ветра. Офицер этот имел очень веселый, смеющийся вид человека, который сию минуту видел, слышал или сделал что-то пресмешное. Он слегка задел меня или, скорее, мою камлотовую шинель на байке (какие тогда были в общем употреблении) длинным капюшоном своей распахнутой и почти распушенной серой офицерской шинели с красным воротником и, засмеявшись звонко на всю лестницу (своды которой усиливали звуки), сказал, вскинув на меня свои довольно красивые, живые, черные, как смоль, глаза, принадлежавшие, однако, лицу бледному, несколько скуластому, как у татар, с крохотными тоненькими усиками и с коротким носом, чуть-чуть приподнятым, именно таким, какой французы называют *nez à la cousin*¹: «Извините мою гусарскую шинель, что она лезет без спроса целоваться с вашим гражданским хитоном», – и продолжал быстро спускаться с лестницы, все по-прежнему гремя ножнами сабли, не пристегнутой на крючок, как делали тогда все светски благовоспитанные кавалеристы, носившие свое шумливое оружие с большою аккуратностью и осторожностью, не позволяя ему ни стучать, ни греметь. Это было не в тоне. Развеселый этот офицерик не произвел на меня никакого особенного впечатления, кроме только того, что взгляд его мне показался каким-то тяжелым, сосредоточенным; да еще, враг всяких фамильярностей, я внутренне нашел странную фамильярность его со мною, которого он в первый раз в жизни видел, как и я его.

Константин Христофорович Мамацев (*Мамацашвили; 1815 или 1818–1900*), *сослуживец Лермонтова на Кавказе. В записи В. А. Потто:*

Я хорошо помню Лермонтова и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и пере-

---

¹ Вздернутым носом (*франц.*).

брошенную через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, с смуглым или загорелым лицом и большими карими глазами.

Фридрих Боденштедт (1819–1892), немецкий писатель, поэт, переводчик на немецкий язык произведений Пушкина, Лермонтова, Козлова, Тургенева:

У вошедшего была гордая, непринужденная осанка, средний рост и необычайная гибкость движений. Вынимая при входе носовой платок, чтобы обтереть мокрые усы, он выронил на паркет бумажник или сигарочницу и при этом нагнулся с такой ловкостью, как будто он был вовсе без костей, хотя, судя по плечам и груди, у него должны были быть довольно широкие кости.

Гладкие, белокурые, слегка вьющиеся по обеим сторонам волосы оставляли совершенно открытым необыкновенно высокий лоб. Большие, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали в насмешливой улыбке, игравшей на красиво очерченных губах молодого офицера.

Очевидно, он был одет не в парадную форму. У него на шее был небрежно повязан черный платок; военный сюртук без эполет был не нов и не доверху застегнут, и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое белье. <...>

Серьезная мысль была главной чертою его благородного лица, как и всех значительнейших его произведений, к которым его легкие, шутливые стихотворения относятся, как насмешливое выражение его тонко очерченных губ к его большим, полным думы глазам.

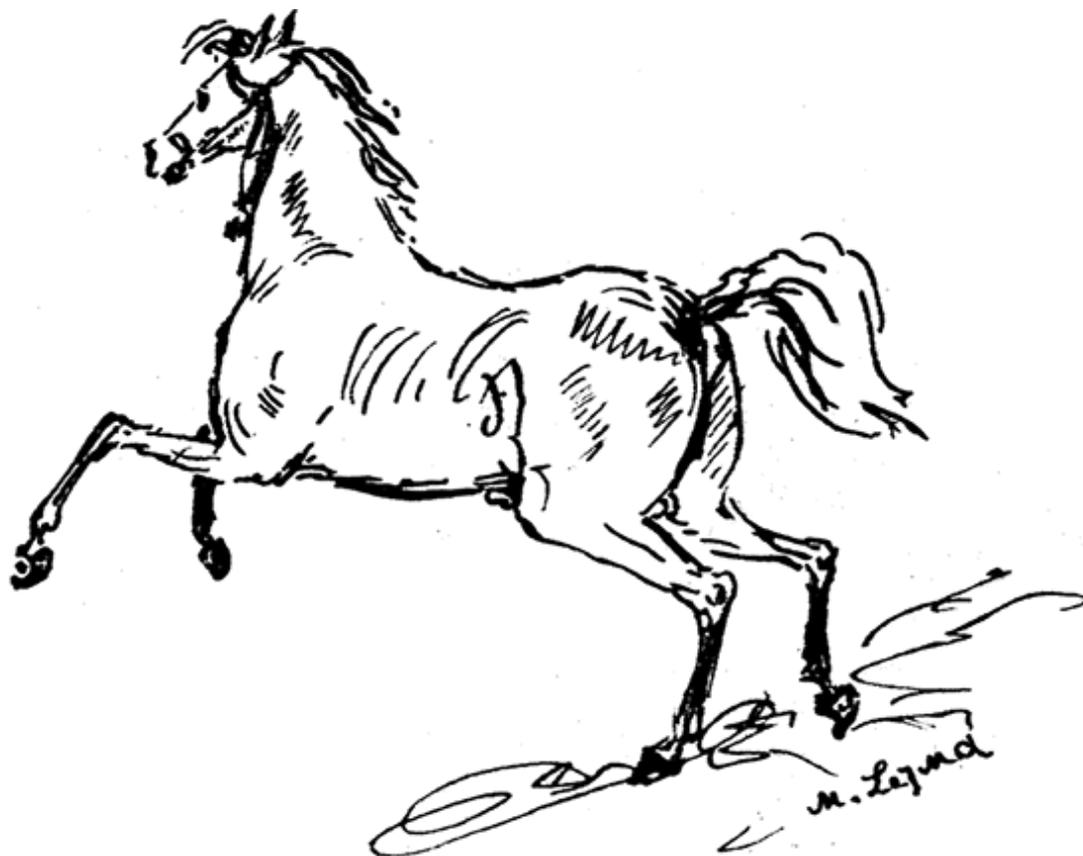
Александр Васильевич Мещерский (1822–1900), князь, офицер, участник Кавказской и Крымской войн, товарищ Лермонтова:

Замечательно, как глаза и их выражение могут изобличать гениальные способности в человеке. Я, например, испытал на себе это влияние при следующем случае. Войдя в многолюдную гостиную дома, принимавшего всегда только одно самое высшее общество, я с некоторым удивлением заметил среди гостей какого-то небольшого роста пехотного армейского офицера, в весьма нещегоольской армейской форме, с красным воротником без всякого шитья. Мое любопытство не распространилось далее этого минутного впечатления: до такой степени я был уверен, что этот беденький армейский офицер, попавший, вероятно, случайно в чуждое ему общество, должен обязательно быть человеком весьма мало интересным. Я уже было совсем забыл о существовании этого маленького офицера, когда случилось так, что он подошел к кружку тех дам, с которыми я разговаривал. Тогда я пристально посмотрел на него и так был поражен ясным и умным его взглядом, что с большим любопытством спросил об имени незнакомца. Оказалось, что этот скромный армейский офицер был не кто иной, как поэт Лермонтов.

Николай Павлович Раевский (?–1889), сослуживец Лермонтова. В пересказе В. П. Желиховской:

Взгляд у него был необыкновенный, а глаза черные. Верите ли, если начнет кого, хоть на пари, взглядом преследовать, – загоняет, места себе человек не найдет.

Душевный склад

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), литературный критик. Из письма В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.:

Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...> Печорин – это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему – он улыбнулся и сказал: «Дай Бог!»

Юрий Федорович Самарин (1819–1876), публицист, философ.

Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма, прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял: ничто не ускользает от него; взор его тяжел, и его трудно переносить. Первые мгновения присутствия этого человека было мне неприятно; я чувствовал, что он наделен большой пронизательной силой и читает в моем уме, и в то же время я понимал, что эта сила происходит лишь от простого любопытства, лишённого всякого участия, и потому чувствовать себя подавленным ему было унижительно. Этот человек слушает и наблюдает не за тем, что вы ему говорите, а за вами, и после того, как он к вам присмотрелся и вас понял, вы не перестаете оставаться для него чем-то чисто внешним, не имеющим права что-либо изменить в его существовании.

Александр Илларионович Васильчиков (1818–1881), князь, секундант на последней дуэли Лермонтова:

В Лермонтове (мы говорим о нем как о частном лице) было два человека: один добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение, другой – заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых. <...> Лермонтов не принадлежал к числу разочарованных, озлобленных поэтов, бичующих слабости и пороки людские из зависти, что не могут насладиться запрещенным плодом; он был вполне человек своего века, герой своего времени: века и времени, самых пустых в истории русской гражданственности. Но, живя этой жизнью, к коей все мы, юноши 30#х годов, были обречены, вращаясь в среде великосветского общества, придавленного и кассированного после катастрофы 14#го декабря, он глубоко и горько сознавал его ничтожество и выражал это чувство не только в стихах «Печально я гляжу на наше поколение», но и в ежедневных, светских и товарищеских своих сношениях. От этого он был, вообще, нелюбим в кругу своих знакомых в гвардии и в петербургских салонах; при дворе его считали вредным, неблагонамеренным и притом, по фронту, дурным офицером, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, «что туда ему и дорога». Все петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надгробное слово над храбрым офицером и великим поэтом.

Итак, отдавая полную справедливость внутренним побуждениям, которые внушали Лермонтову глубокое отвращение от современного общества, нельзя, однако, не сознаться, что это настроение его ума и чувств было невыносимо для людей, которых он избрал целью своих придинок и колкостей, без всякой видимой причины, а просто как предмет, над которым он изошрял свою наблюдательность.

Константин Христофорович Мамацев. *В записи В. А. Потто:*

Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвующих вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены. Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души.

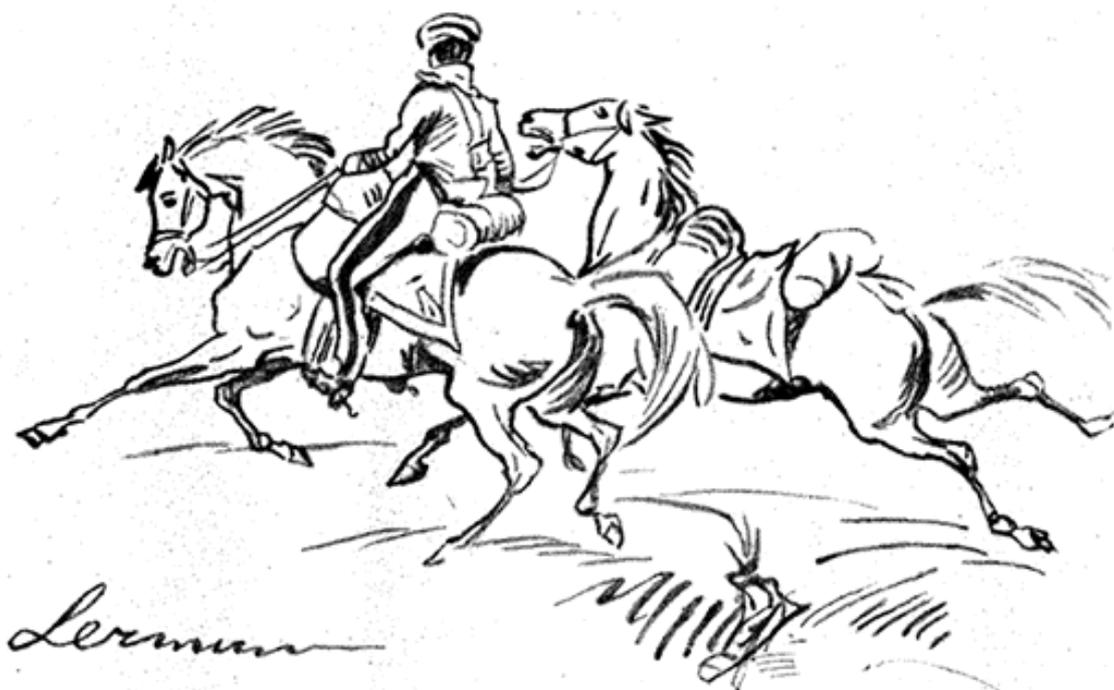
Аким Павлович Шан-Гирей (1819–1883), *троюродный брат Лермонтова и один из самых близких его друзей:*

Хотя он и не отличался особенно усердным выполнением религиозных обрядов, но не был ни атеистом, ни богохульником.

Михаил Юрьевич Лермонтов. *Из письма М. А. Лопухиной 2 сентября 1832 г.:*

Удивительная вещь – сны! – изнанка жизни, которая подчас приятнее действительности! Я ведь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь только сон; я очень сильно чувствую ее реальность, ее завлекающую пустоту! Я никогда не сумею отрешиться от нее в такой степени, чтобы добровольно презирать ее; потому что жизнь моя это я сам, говорящий вам и тот, который через мгновение может превратиться в ничто, в одно имя, т. е. – опять-таки в ничто. – Бог знает, будет ли существовать мое «я» после смерти. Ужасно думать, что может настать день, когда я не буду в состоянии сказать: «я»! – Если это так, то мир – только комок грязи.

Характер

Виссарион Григорьевич Белинский. *Из письма В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.:*
Каждое его слово – он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок, – меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества.

Александр Францевич Тиран:

Но со всем тем (Лермонтов. – Сост.) был дурной человек: никогда ни про кого не отзовется хорошо; очернить имя какой-нибудь светской женщины, рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей – ему ничего не стоило. Не знаю, был ли он зол или просто забавлялся, как гибнут в омуте его сплетен, но он был умен, и бывало ночью, когда остановится у меня, говорит, говорит – свечку зажгу: не черт ли возле меня? Всегда смеялся над убеждениями, презирал тех, кто верит и способен иметь чувство... Да, вообще это был «приятный» человек!.. <...> Хотел бы я, чтоб он вошел сюда хоть сейчас: всех бы оскорбил, кого-нибудь осмеял бы... Мы давали прощальный обед нашему любимому начальнику. Все пришли, как следует, в форме, при сабле. Лермонтов был дежурный и явился, когда все уже сидели за столом; нимало не стеснясь, снимает саблю и ставит ее в угол. Все переглянулись. Дело дошло до вина. Лермонтов снимает сюртук и садится за стол в рубашке.

– Поручик Лермонтов, – заметил старший, – извольте надеть ваш сюртук.

– А если я не надену?..

Слово за слово. «Вы понимаете, что после этого мы с вами служить не можем в одном полку?!»

– А куда же вы выходите, позвольте вас спросить? – Тут Лермонтова заставили одеться.

Ведь этаким был человек: мы с ним были в хороших отношениях, у меня он часто ночевал (между прочим, оттого, что свою квартиру никогда не топил), а раз-таки на дежурстве дал мне саблю шрам.

Фридрих Боденштедт:

Впрочем, он мог быть кроток и нежен, как ребенок, и вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение.

Николай Соломонович Мартынов:

Беспристрастно говоря, я полагаю, что он был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил. Быв с ним в весьма близких отношениях, я имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки.

Вера Ивановна Анненкова:

Он был желчным и нервным и имел вид злого ребенка, избалованного, наполненного собой, упрямого и неприятного до последней степени. <...>

У него было болезненное самолюбие, которое причиняло ему живейшие страдания. Я думаю, что он не мог успокоиться оттого, что не был красив, пленителен, элегантен. Это составляло его несчастье. Душа поэта плохо чувствовала себя в небольшой коренастой фигуре карлика.

Николай Иванович Лорер (1795–1873), декабрист, в 1837 г. был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ, где в 1840 г. познакомился с Лермонтовым:

С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился. Я был всегда счастлив нападать на людей симпатичных, теплых, умевших во всех фазисах своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему высокому, прекрасному, а говоря с Лермонтовым, он показался мне холодным, желчным, раздражительным и ненавистником человеческого рода вообще <...>.

Руфин Иванович Дорохов (1801–1852), участник Кавказской войны, сослуживец Лермонтова:

Лермонтов <...> принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого раза, но даже на первое свидание поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было много причин, по которым и мне он не понравился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что терлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу, – впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба, будто на смех, послала ему общую армейскую наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, – мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня, – совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось, – на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребенком.

Александр Францевич Тиран:

Он был страх самолюбив и знал, что его все признают очень умным; вот и вообразит, что держит весь полк в руках, и начинает позволять себе порядочные дерзости, тут и приходилось его так цукнуть, что или дерись, или молчи. Ну, он обыкновенно обращал в шутку.

А то время было очень щекотливое: мы любили друг друга, но жизнь была для нас копейка: раз за обедом подтрунивали над одним из наших, что с его ли фигурой ухаживать за дамами, а после обеда – дуэль...

Корнилий Александрович Бороздин:

Двадцать лет спустя после кончины Лермонтова мне привелось на Кавказе сблизиться с Н. П. Колюбакиным, когда-то разжалованным за пощечину своему полковому командиру в солдаты и находившемуся в 1837 году в отряде Вельяминова, в то время как туда же прислан был Лермонтов, переведенный из гвардии за стихи на смерть Пушкина. Они вскоре познакомились для того, чтобы скоро раззнакомиться благодаря невыносимому характеру и тону обращения со всеми безвременно погибшего впоследствии поэта. Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при оказии, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным.

Со слов Константина Христофоровича Мамацева. В пересказе В. А. Потто:

Он был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодежь лучших фамилий служила в гвардии. <...> Он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появлялась там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест, – и находила их чаще всего у орудий Мамацева.

Виссарион Григорьевич Белинский. Из письма В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.:
Эта русская разудалая голова так и рвется на нож.

Руфин Иванович Дорохов. Из письма М. В. Юзефовичу:

Славный малый – честная, прямая душа – не сносить ему головы.

Особенности поведения

Александр Матвеевич Меринский:

В обществе Лермонтов был очень злоречив, но душу имел добрую: как его товарищ, знавший его близко, я в том убежден. Многие его недоброжелатели уверяли в противном и называли его *беспокойным человеком*.

Александр Васильевич Мещерский:

Впоследствии, сблизившись с Лермонтовым, я убедился, что изощрять свой ум в насмешках и остротах постоянно над намеченной им в обществе жертвой составляло одну из резких особенностей его характера. Я помню, что раз я застал у него одного гвардейского толстого кирасирского полковника З., служившего в то время жертвой всех его сарказмов, и хотя я не мог не смеяться от души остроумию и неистощимому запасу юмора нашего поэта, но не мог также в душе не сострадать его жертве и не удивляться ее долготерпению.

Корнилий Александрович Бороздин:

Во все время разговора с хозяйкой с лица Лермонтова не сходила сардоническая улыбка, а речь его шла на ту же тему, что и у Чацкого, когда тот, разочарованный Москвою, бранил ее беспощадно. Передать всех мелочей я не в состоянии, но помню, что тут повально перебирались кузины, тетеньки, дяденьки говорившего и масса других личностей большого света, мне неизвестных и знакомых хозяйке. Она заливалась смехом и вызывала Лермонтова своими расспросами на новые сарказмы.

Фридрих Боденштедт:

После того как Лермонтов быстро отведал несколько кушаньев и выпил два стакана вина (при этом он не прятал под стол свои красивые, выхолненные руки), он сделался очень разговорчив, и, надо полагать, то, что он говорил, было остроумным и смешным, так как слова его несколько раз прерывались громким смехом. К сожалению, для меня его остроты оставались непонятными, так как он нарочно говорил по-русски и к тому же чрезвычайно быстро, а я в то время недостаточно хорошо понимал русский язык, чтобы следить за разговором. Я заметил только, что шпильки его часто переходили в личности; но, получив несколько раз резкий отпор от Олсуфьева, он счел за лучшее избирать мишенью своих шуток только молодого князя.

Некоторое время тот добродушно переносил остроты Лермонтова; но наконец и ему уже стало невмочь, и он с достоинством умерил его пыл, показав этим, что, при всей ограниченности ума, он порядочный человек.

Казалось, Лермонтова искренне огорчило, что он обидел князя, своего друга молодости, и он всеми силами старался помириться с ним, в чем скоро и успел. <...>

Людей же, недостаточно знавших его, чтобы прощать его недостатки за прекрасные качества, преобладавшие в его характере, он отталкивал, так как слишком часто давал волю своему несколько колкому остроумию.

Иван Иванович Панаев (1812–1862), писатель, журналист, мемуарист:

Я много слышал о Лермонтове от его школьных и полковых товарищей. По их словам, он был любим очень немногими, только теми, с которыми был близок, но и с близкими людьми он не был общителен. У него была страсть отыскивать в каждом своем знакомом какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость, и, отыскав ее, он упорно и постоянно преследовал такого человека, подтрунивал над ним и выводил его наконец из терпения. Когда он достигал этого, он был очень доволен.

– Странно, – говорил мне один из его товарищей, – в сущности он был, если хотите, добрый малый: покутить, повеселиться – во всем этом он не отставал от товарищей; но у него не было ни малейшего добродушия, и ему непременно нужна была жертва, – без этого он не мог быть покоен, – и, выбрав ее, он уж беспощадно преследовал ее. Он непременно должен был кончить так трагически: не Мартынов, так кто-нибудь другой убил бы его.

Виктор Петрович Бурнашёв:

В одно воскресенье, помнится, 15#го сентября 1836 года, часу во втором дня, я поднялся по лестнице конногвардейских казарм, в квартиру доброго моего приятеля А. И. Синицына. <...> я вошел к Синицыну и застал моего доброго Афанасия Ивановича в его шелковом халате, надетом на палевую канаусовую с косым воротом рубашку, занятого прилежным смахиванием пыли метелкою из петушьих перьев со стола, дивана и кресел и выниманием окурков маисовых пахитосов, самого толстого калибра, из цветочных горшков, за которыми патриархальный мой Афанасий Иванович имел тщательный и старательный личный уход, опасаясь дозволить слугам касаться до его комнатной флоры, покрывавшей все его окна, увешанные, кроме того, щеголеватыми провололочными клетками, в которых распевали крикуньи-канарейки и по временам заливались два жаворонка, датский и курский.

– Что это вы так хлопочете, Афанасий Иванович? – спросил я, садясь в одно из вольтеровских кресел, верх которого прикрыт был антимакассаром, чтоб не испортил бы кто жирными волосами яркоцветной штофной покрывки, впрочем и без того всегда покрытой белыми, коленкоровыми чехлами.

– Да, как же (отвечал Синицын с несколько недовольным видом), я, вы знаете, люблю, чтоб у меня все было в порядке, сам за всем наблюдаю; а тут вдруг откуда ни возьмись влетает к вам товарищ по школе, курит, сыплет пепел везде, где попало, тогда как я ему указы-

ваю на пепельницу, и вдобавок швыряет окурки своих проклятых трубокосов² в мои цветочные горшки, и при всем этом без милосердия болтает, лепечет, рассказывает всякие грязные истории о петербургских продажных красавицах, декламирует самые скверные французские стишонки, тогда как самого-то Бог наградил замечательным талантом писать истинно прелестные русские стихи. Так небось не допросишься, чтоб что-нибудь свое прочел! Ленив, пострел, ленив страшно, и что ни напишет, все или прячет куда-то, или жжет на раскурку трубок своих же сорвиголов гусаров. А ведь стихи-то его – это просто музыка! Да и распрекрасный малый, превосходный товарищ! Вот даже сию минуту привез мне какие-то сто рублей, которые еще в школе занял у меня «Курок»... Да, ведь вы «Курка» не знаете: это один из наших школьных товарищей, за которого этот гусарчик, которого вы, верно, сейчас встретили, расплачивается. Вы знаете, Владимир Петрович, я не люблю деньги жечь; но, ей-богу, я сейчас предлагал этому сумасшедшему: «Майошка, напиши, брат, сотню стихов, о чем хочешь: охотно плачу тебе по рублю, по два, по три за стих с обязательством держать их только для себя и для моих друзей, не пуская в печать». Так нет, не хочет, капризный змееныш этакой, не хочет даже «Уланшу» свою мне отдать целиком и в верном оригинале, и теперь даже божился, греховодник, что у него и «Монго» нет, между тем Коля Юрьев давно у него же для меня подтибрил копию с «Монго». Прелесть, я вам скажу, прелесть, а все-таки не без пакостной барковщины. *S'est plus fort que lui!*³ Еще у этого постреленка, косолапого «Майошки», страстишка дразнить меня моею аккуратною обстановкою и приводить у меня мебель в беспорядок, сорить пеплом и, наконец, что уж из рук вон, просто сердце у меня вырывает, это то, что он портит мои цветы, рододендрон вот этот, и как нарочно выбрал же он рододендрон, а не другое что, и забавляется, разбойник этакой, тем, что сует окурки в землю, и не то чтобы только снаружи, а расковыривает землю, да и хоронит. Ну далеко ли до корня? Я ему резон говорю, а он заливается хохотом! Просто отпетый какой-то «Майошка», мой любезный однокашник.

И все это Афанасий Иванович рассказывал, стараясь как можно тщательнее очистить поверхность земли в горшке своего любезного рододендрона, не поднимая на меня глаз и устремив все свое внимание на цветочную землю и на свою работу; но, вдруг заметив, что и я курю мои соломинки-пахитосы, он быстро взглянул, стоит ли в приличном расстоянии от меня бронзовая пепельница. Вследствие этого не по натуре его быстрого движения, я сказал ему:

– Не опасайтесь, дорогой Афанасий Иванович, я у вас не насорю. Но скажите, пожалуйста, гость ваш, так вас огорчивший, ведь это тот молоденький гусар, что сейчас от вас вышел хохоча?

– Да, да, – отвечал Синицын, – тот самый. И вышел, злодей, с хохотом от меня, восхищаясь тем, что доставил мне своим визитом работы на добрый час, чтоб за ним подметать и подчищать. Еще, слава богу, ежели он мне не испортил вконец моего рододендрона. <...>

...Я спросил Синицына: «Кто же этот гусар? Вы называете его „Майошкой“; но это, вероятно, школьная кличка, *nom de guerre*?»⁴

– Лермонтов, – отвечал Синицын, – мы с ним были вместе в кавалерийском отделении школы.

² Толстые пахитосы в маисовой соломе, вроде нынешних папиросов, явившихся в Петербурге только в конце сороковых годов. (Прим. В. П. Бурнашова.)

³ Здесь: Он перед этим не может устоять! (франц.)

⁴ Прозвище (франц.).

Андрей Алексеевич Краевский (1810–1889), литератор, журналист, издатель журнала «Отечественные записки» (с 1839 г.), постоянным автором которого был Лермонтов. В пересказе П. А. Висковатова:

У него таки бывали странные выходки – любил школьничать! Раз он меня потащил в маскарад, в дворянское собрание; взял у кн. Одоевской ее маску и домино и накинул его сверх гусарского мундира; спустил капюшон, нахлобучил шляпу и помчался. На все мои представления Лермонтов отвечает хохотом. Приезжаем; он сбрасывает шинель, надевает маску и идет в залы. Шалость эта ему прошла безнаказанно.

Иван Иванович Панаев:

Лермонтов обыкновенно заезжал к г#ну Краевскому по утрам (это было в первые годы «Отечественных записок», в сороковом и сорок первом годах) и привозил ему свои новые стихотворения. Входя с шумом в его кабинет, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которых были аккуратно расставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтов подходил к столу, за которым сидел редактор, глубокомысленно погруженный в корректуры <...> разбрасывал эти корректуры и бумаги по полу и производил страшную кутерьму на столе и в комнате. Однажды он даже опрокинул ученого редактора со стула и заставил его барахтаться на полу в корректурах. Г#ну Краевскому, при его всегдашней солидности, при его склонности к порядку и аккуратности, такие шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться; но он поневоле переносил это от великого таланта, с которым был на ты, и, полуморщась, полуулыбаясь, говорил:

– Ну, полно, полно... перестань, братец, перестань. Экой школьник.

Г#н Краевский походил в такие минуты на гётевского Вагнера, а Лермонтов на маленького бесенка, которого Мефистофель мог подсылать к Вагнеру нарочно для того, чтобы смущать его глубокомысле.

Когда ученый приходил в себя, поправлял свои волосы и отряхал свои одежды, поэт пускался в рассказы о своих светских похождениях, прочитывал свои новые стихи и уезжал. Посещения его всегда были очень непродолжительны. <...>

В другой раз я застал Лермонтова у г#на Краевского в сильном волнении. Он был взбешен за напечатание без его спроса «Казначейши» в «Современнике», издававшемся Плетнёвым. Он держал тоненькую розовую книжечку «Современника» в руке и покушался было разодрать ее, но г#н Краевский не допустил его до этого.

– Это черт знает что такое! позволительно ли делать такие вещи! – говорил Лермонтов, размахивая книжечкою... – Это ни на что не похоже!

Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке «Современника», где была напечатана его «Казначейша», набросал какую-то карикатуру.

Вероятно, этот номер «Современника» сохраняется у г#на Краевского в воспоминание о поэте.

Николай Михайлович Сатин (1814–1873), литератор, издатель:

Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов; но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеиваясь над своими любвями и волокитствами.

Александр Илларионович Васильчиков:

Он был шалун в полном ребяческом смысле слова, и день его разделялся на две половины между серьезными занятиями и чтением и такими шалостями, какие могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему школьному мальчику; например, когда к обеду подавали блюдо, которое он любил, то он с громким криком и смехом бросался на блюдо,

вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал все кушанье и часто оставлял всех нас без обеда. Раз какой-то проезжий стихотворец пришел к нему с толстой тетрадью своих произведений и начал их читать; но в разговоре, между прочим, сказал, что он едет из России и везет с собой бочонок свежепросоленных огурцов, большой редкости на Кавказе; тогда Лермонтов предложил ему прийти на его квартиру, чтобы внимательнее выслушать его прекрасную поэзию, и на другой день, придя к нему, намекнул на огурцы, которые благодущный хозяин и поспешил подать. Затем началось чтение, и покуда автор все более и более углублялся в свою поэзию, его слушатель Лермонтов скушал половину огурчиков, другую половину набил себе в карманы и, окончив свой подвиг, бежал без прощанья от неумолимого чтеца-стихотворца.

Обедая каждый день в Пятигорской гостинице, он выдумал еще следующую проказу. Собирая столовые тарелки, он сухим ударом в голову слегка их надламывал, но так, что образовывалась только едва заметная трещина, а тарелка держалась крепко, покуда не попала при мытье посуды в горячую воду; тут она разом расползлась, и несчастные служители вынимали из лохани вместо тарелок груды лома и черепков. Разумеется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтов поспешил сам заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатился щедро за свою забаву.

Евдокия Петровна Ростопчина (*урожд. Сушкова; 1811–1858*), *поэтесса, адресат лирики Лермонтова. Из письма Александру Дюма 27 августа/10 сентября 1858 г.:*

Однажды он объявил, что прочитает нам новый роман, под заглавием «Штос», причем он рассчитал, что ему понадобится по крайней мере четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадью под мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен.

Николай Павлович Раевский. *В пересказе В. П. Желиховской:*

У Михаила Юрьевича, надо вам знать, была странность: терпеть он не мог, когда кто из любителей, даже и талантливый, играть или петь начнет; и всегда это его раздражало.

Я и сам пел, он ничего, мне позволял, потому что любил меня. Вот тоже и со стихами моими бывало. Был у нас чиновничек из Петербурга, Отрешков-Терещенко по фамилии, и грамотей считался. Он же потом первый и написал в русские газеты, не помню куда именно, о дуэли и смерти Лермонтова. Ну, так вот, этот чиновник стишки писал. И знаю я, что ничуть не хуже меня. А вот поди ж ты! Попросит его Михаил Юрьевич почитать что-нибудь и хвалит, да так хвалит, что мы рады были бы себе языки пооткусывать, лишь бы свой хохот скрыть.

Александр Васильевич Мещерский:

Лермонтов хорошо говорил по-малороссийски и неподражаемо умел рассказывать малороссийские анекдоты. Им, например, был пущен известный анекдот (который я после слышал и от других) о том хохле, который ехал один по непомерно широкой почтовой малороссийской дороге саженой во сто ширины. По обыкновению хохол заснул на своем возе глубоким сном, волю его выбились из колеи и, наконец, осью зацепили за поперстный столб, отчего остановились. От толчка хохол вдруг проснулся, спросонья осмотрелся, увидел

поверстный столб, плюнул и, слезая с своего воза, сказал: «Що за бісова тиснота, не можно и возом розминутця!»

По поводу лености и невозмутимости хохла Лермонтов мне рассказал, как, оставляя Петербург и лейб-гусарский полк, чтобы перейти на службу на Кавказ, он ставил свою тысячную верховую лошадь на попечении все того же своего денщика Сердюка, поручив своему товарищу по полку, князю Меншикову, в возможно скорейшее время ее продать. Очень долго не находилось покупателей. Наконец Меншиков нашел покупателя и с ним отправился в полковой манеж, чтобы показать ему продажную лермонтовскую лошадь. Немало времени они ожидали в манеже Сердюка с его лошадью. Наконец показался за барьером манежа какой-то человек, который с веревкой на плече тащил с трудом что-то, должно быть, очень тяжелое; через несколько времени показалась голова лошади, которая, фыркая и упираясь, медленно подвигалась вперед и озиралась на все стороны. Когда Сердюк с трудом втащил ее на середину манежа, то издали она не похожа была на лошадь, а на какого-то допотопного зверя: до такой степени она обросла длинной шерстью; уши, которыми она двигала то назад, то вперед, так заросли, что похожи были на огромные веера, которыми она махала. Князь Меншиков, возмущенный этой картиной, спросил у Сердюка, что за зверя он привел, но Сердюк отвечал очень хладнокровно: «Это лошадь, ваше высокоблагородие!» – «Да что ты с ней сделал, Сердюк, с этой лошадью?» – «Да что же, ваше высокоблагородие, с ней делается? Она себе корм ест, пьет, никто ее не трогает; помилуйте, что с ней делается?»

Оказывается, что Сердюк целый год лошадь не чистил и не выводил из денника, так что она совершенно одичала и обросла. <...>

Он мне сам рассказывал, например, как во время лагеря, лежа на постели в своей палатке, он, скуки ради, кликал к себе своего денщика и начинал его дразнить. «Презабавный был, – говорил он, – мой денщик малоросс Сердюк. Бывало, позову его и спрашиваю: „Ну, что, Сердюк, скажи мне, что ты больше всего на свете любишь?“» Сердюк, зная, что должны начаться над ним обыкновенные насмешки, сначала почтительно пробовал уговаривать барина не начинать вновь ежедневных над ним испытаний, говоря: «Ну, що, ваше благородие... оставьте, ваше благородие... я ничего не люблю...» Но Лермонтов продолжал: «Ну, что, Сердюк, отчего ты не хочешь сказать?» – «Да не помню, ваше благородие». Но Лермонтов не унимался: «Скажи, – говорит, – что тебе стоит? Я у тебя спрашиваю, что ты больше всего на свете любишь?» Сердюк все отговаривался незнанием. Лермонтов продолжал его пилить, и наконец, через четверть часа, Сердюк, убедившись, что от барина своего никак не отделается, добродушно делал признание: «Ну, що, ваше благородие, – говорил он, – ну, пожалуй, мед, ваше благородие». Но и после этого признания Лермонтов от него не отставал. «Нет, – говорил он, – ты, Сердюк, хорошенько подумай: неужели ты в самом деле мед всего больше на свете любишь?» Лермонтов начинал снова докучливые вопросы и на разные лады. Это опять продолжалось четверть часа, если не более, и наконец, когда истощался весь запас хладнокровия и терпения у бедного Сердюка, на последний вопрос Лермонтова о том, чтобы Сердюк подумал хорошенько, не любит ли он что-нибудь другое на свете лучше меда, Сердюк с криком выбежал из палатки, говоря: «Терпеть его не могу, ваше благородие!..»

Вообще Лермонтов был преприятный собеседник и неподражаемо рассказывал анекдоты.

Среди множества сохранившихся в моей памяти анекдотов, слышанных мною от него, хотя и очень затруднителен будет выбор, но я не могу лишиться себя удовольствия упомянуть здесь хотя о некоторых, попадающихся мне случайно более свежими в эту минуту на память. Ведь в сущности всякая мелочь, которая касается такого любимого всеми поэта, каким был

Лермонтов, дорогá, а мне несомненно больше других, потому что я его лично хорошо знал и что для меня память о нем связана с воспоминаниями о моей молодости...

Вообще в холостой компании Лермонтов особенно оживлялся и любил рассказы, перерывая очень часто самый серьезный разговор какой-нибудь шуткой, а нередко и нецензурными анекдотами, о которых я не буду говорить, хотя они были остроумны и смешны донельзя.

Так, как-то раз, среди серьезной беседы об искусстве и поэзии, Лермонтов стал комично рассказывать что-то о неизданных поэтах и об их сношениях с издателями и книгопродавцами. «А вот что, – сказал Лермонтов, – говорил мне приказчик одного книгопродавца, мальчик лет шестнадцати. Приходит на днях в лавку какой-то господин (хозяина не было), обращается ко мне и спрашивает: „Что, говорит, стихотворения мои проданы?“ (Тут я его узнал, говорит мальчик, он к нам уже месяцев шесть ходит.) „Никак нет, – отвечаю ему, – еще не проданы“. – „Как, – говорит он, – не проданы? Отчего не проданы? Вы, – говорит, – все мошенничаете!“ Подошел ко мне, да бац, – говорит мальчик, – мне в ухо!.. Вот тебе раз, думаю себе, что из этого будет? „Отчего, – говорит, – не проданы?“ Я говорю: „Никто не спрашивал“. – „Как, – говорит, – никто не спрашивал?“ Бац, – говорит, – мне в другое ухо! Я думаю себе, что из этого будет? „Где, – говорит, – мои стихотворения? Подай, – говорит, – мне их все сюда!“ А сам ругается. „Вы, – говорит, – все кровопийцы!“ Я побежал, принес связку его сочинений. Думаю себе: „Господи, что из этого будет?“ Господин подошел ко мне. „Все ли они, – говорит, – тут?“ Я говорю: „Извольте видеть, как были связаны, так и есть!“ Он тут схватил меня за волосы и начал таскать по лавке; таскал, таскал, да как бросит, плюнул и ушел! Так, – говорит мальчик, – я ничего и не дождался от него! Такой, – говорит, – чудака этот господин стихотворец! Я и фамилии его не упомяну».

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), поэт, публицист, историк церкви, мемуарист:

Лермонтов просиживал у меня по целым вечерам; живая и остроумная его беседа была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкий и пронзительный его смех был неприятен для слуха, как бывало и у Хомякова, с которым во многом имел он сходство; не один раз просил я и того и другого «смеяться проще».

Аким Павлович Шан-Гирей:

...Я редко встречал человека беспечнее его относительно материальной жизни, кассиром был его Андрей, действовавший совершенно бесконтрольно. Когда впоследствии он стал печатать свои сочинения, то я часто говорил ему: «Зачем не берешь ты ничего за свои стихи. Пушкин был не беднее тебя, однако платили же ему книгопродавцы по золотому за каждый стих», но он смеясь отвечал мне словами Гёте:

Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet⁵.

Моисей Егорович Меликов:

Помню характерную черту Лермонтова: он был ужасно прожорлив и ел все, что подавалось. Это вызывало насмешки и шутки окружающих, особенно барышень, к которым Лермонтов вообще был равнодушен.

---

⁵ Песня, которая льется из уст, сама по себе есть лучшая награда (нем.).

Екатерина Александровна Сушкова (*в замуж. Хвостова; 1812–1868*), адресат лирики Лермонтова:

Еще очень подсмеивались мы над ним в том, что он не только был неразборчив в пище, но никогда не знал, что ел, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что, пожалуй, он со временем, как Сатурн, будет глотать булыжник. Наши насмешки выводили его из терпения, он спорил с нами почти до слез, стараясь убедить нас в утонченности своего гастрономического вкуса; мы побились об заклад, что уличим его в противном на деле. И в тот же самый день, после долгой прогулки верхом, велели мы напечь к чаю булочек с опилками! И что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, с жадностью принялись за чай, а наш-то гастроном Мишель не поморщась проглотил одну булочку, принялся за другую и уже придвинул к себе и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая в то же время на неудобосваримую для желудка начинку. Тут не на шутку взбесился он, убежал от нас и не только не говорил с нами ни слова, но даже и не показывался несколько дней, притворившись больным.

Фридрих Боденштедт:

При выборе кушаньев и в обращении к прислуге он употреблял выражения, которые в большом ходу у многих, чтобы не сказать у всех русских, но которые в устах этого гостя – это был Михаил Лермонтов – неприятно поразили меня. Эти выражения иностранец прежде всего научается понимать в России, потому что слышит их повсюду и беспрестанно; но ни один порядочный человек – за исключением грека или турка, у которых в ходу точь-в-точь такие выражения, – не решится написать их в переводе на свой родной язык.

Александр Францевич Тиран:

Между прочим, на нем рубашку всегда рвали товарищи, потому что сам он ее не менял...

Творчество

Святослав Афанасьевич Раевский (1808–1876), литератор, товарищ Лермонтова:
Соображения Лермонтова сменялись с необычайной быстротой, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко, и я бывал свидетелем, как во время размышлений противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиогномий и т. п.

Александр Матвеевич Меринский:

По вечерам, после учебных занятий (в Школе гвардейских подпрапорщиков. – Сост.), поэт наш часто уходил в отдаленные классные комнаты, в то время пустые, и там один просиживал долго и писал до поздней ночи, стараясь туда пробраться не замеченным товарищами. Иногда он занимался рисованием; он недурно рисовал и любил изображать кавказские виды и черкесов, скакавших по горам.

Евдокия Петровна Ростопчина. *Из письма Александру Дюма 27 августа/10 сентября 1858 г.:*

Здесь будет уместно провести параллель между Пушкиным и Лермонтовым, собственно в смысле поэта и писателя.

Пушкин – весь порыв, у него все прямо выливается; мысль исходит или, скорее, извергается из его души, из его мозга, во всеоружии с головы до ног; затем он все переделывает, исправляет, подчищает, но мысль остается та же, цельная и точно определенная.

Лермонтов ищет, сочиняет, улаживает; разум, вкус, искусство указывают ему на средство округлить фразу, усовершенствовать стих; но первоначальная мысль постоянно не имеет полноты, неопределенна и колеблется; даже и теперь в полном собрании его сочинений попадает тот же стих, та же строфа, та же идея, вставленная в совершенно разных пьесах.

Пушкин давал себе тотчас отчет в ходе и совокупности даже и самой маленькой из его отдельных пьес.

Лермонтов набрасывал на бумагу стих или два, пришедшие в голову, не зная сам, что он с ними сделает, а потом включал их в то или другое стихотворение, к которому, как ему казалось, они подходили.

Аким Павлович Шан-Гирей:

С 1839 года стал он печатать свои произведения в «Отечественных записках»; у него не было чрезмерного авторского самолюбия; он не доверял себе, слушал охотно критические замечания тех, в чьей дружбе был уверен и на чей вкус надеялся, притом не побуждался меркантильными расчетами, почему и делал строгий выбор произведениям, которые назначал к печати.

Иван Иванович Панаев:

Раз утром Лермонтов приехал к г#ну Краевскому в то время, когда я был у него. Лермонтов привез ему свое стихотворение.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно... –

прочел его и спросил:

– Ну что, годится?..

– Еще бы! дивная вещь! – отвечал г#н Краевский, – превосходно; но тут есть в одном стихе маленький грамматический промах, неправильность...

– Что такое? – спросил с беспокойством Лермонтов.

Из *пламя* и света
Рожденное слово...

Это неправильно, не так, – возразил г#н Краевский, – по-настоящему, по грамматике, надо сказать из *пламени* и света...

– Да если этот пламень не укладывается в стих? Это вздор, ничего, – ведь поэты позволяют себе разные поэтические вольности – и у Пушкина их много... Однако... (Лермонтов на минуту задумался)... дай-ка я попробую переделать этот стих.

Он взял листок со стихами, подошел к высокому фантастическому столу с выемкой, обмакнул перо и задумался.

Так прошло минут пять. Мы молчали.

Наконец Лермонтов бросил с досадой перо и сказал:

– Нет, ничего нейдет в голову. Печатай так, как есть. Сойдет с рук...

Одною из любимых забав мальчика было занятие театром марионеток, в то время весьма распространенным. Еще из Москвы Лермонтов просил тетку выслать ему «воски», потому что и в Москве он «делает театр, который довольно хорошо выходит, и где будут играть восковые куклы». Аким Павлович Шан-Гирей хорошо помнил этих актеров-кукол с вылепленными самим Лермонтовым головами из воску. Среди них была кукла, излюбленная мальчиком-поэтом, носившая почему-то название «Verquin» и исполнявшая самые фантастические роли в пьесах, которые сочинял Мишель, заимствуя сюжеты или из слышанного, или прочитанного.

Лепил Лермонтов недурно, и С. А. Раевский рассказывает, что двенадцати лет он «вылепил из воску спасение жизни Александра Великого Клифом при переходе через Граник». Слоны и колесница играли тут главную роль, украшенные бусами, стеклярусом и фольгой.

Аким Павлович Шан-Гирей:

Великим постом Мишель был мастер делать из талого снега человеческие фигуры в колоссальном виде; вообще он был счастливо одарен способностями к искусствам; уже тогда рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины; охоту за зайцем с борзыми, которую раз всего нам пришлось видеть, вылепил очень удачно, также переход через Граник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом, и косами из фольги.

Николай Соломонович Мартынов:

Из наук Лермонтов с особенным рвением занимался русской словесностью и историей. Вообще он имел способности весьма хорошие, но с любовью он относился только к этим двум предметам.

Александр Матвеевич Меринский:

В то время в юнкерской школе нам не позволялось читать книг чисто литературного содержания, хотя мы не всегда исполняли это; те, которые любили чтение, занимались им большею частью по праздникам, когда нас отпускали из школы. Всякий раз, как я заходил в дом к Лермонтову, почти всегда находил его с книгою в руках, и книга эта была: сочинения Байрона и иногда Вальтер Скотт, на английском языке, – Лермонтов знал этот язык. Какое имело влияние на поэзию Лермонтова чтение Байрона – всем известно; но не одно это, – и характер его, отчасти схожий с Байроновым, был причиной, что Лермонтов, несмотря на свою самобытность, невольно иногда подражал британскому поэту.

Виссарион Григорьевич Белинский. *Из письма В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.:*

Он славно знает по-немецки и Гёте почти всего наизусть дуэт. Байрона режет тоже в подлиннике.

Александр Алексеевич Лопухин (1839–1895), сын близкого друга Лермонтова, Алексея Александровича Лопухина (его рождению посвящено стихотворение Лермонтова «Ребенка милого рождение...»):

Отец рассказывал мне, что Лермонтов вообще, а в молодости в особенности, постоянно искал новой деятельности и, как говорил, не мог остановиться на той, которая должна бы его поглотить всецело, и потому, часто меняя занятия, он, попадая на новое, всегда с полным увлечением предавался ему. И вот в один из таких периодов, когда он занимался исключительно математикой, он однажды до поздней ночи работал над разрешением какой-то задачи, которое ему не удавалось, и утомленный заснул над ней. Тогда ему приснился человек,

изображенный на прилагаемом полотне, который помог ему разрешить задачу. Лермонтов проснулся, изложил разрешение на доске и под свежим впечатлением мелом и углем нарисовал портрет приснившегося ему человека на штукатурной стене его комнаты. На другой день отец мой пришел будить Лермонтова, увидел нарисованное, и Лермонтов рассказал ему, в чем дело. Лицо изображенное было настолько характерно, что отец хотел сохранить его и призвал мастера, который должен был сделать раму кругом нарисованного, а самое изображение покрыть стеклом, но мастер оказался настолько неумелым, что при первом приступе штукатурка с рисунком развалилась. Отец был в отчаянии, но Лермонтов успокоил его, говоря: «ничего, мне эта рожа так в голову врезалась, что я тебе намалюю ее на полотне», что и исполнил. Отец говорил, что сходство вышло поразительное.

Александр Францевич Тиран:

Лермонтов был чрезвычайно талантлив, прекрасно рисовал и очень хорошо пел романсы, т. е. не пел, а говорил их почти речитативом.

Со слов Константина Христофоровича Мамацева. В пересказе В. А. Потто:

Он имел склонность и к музыке и к живописи, но рисовал одни карикатуры, и если чем интересовался – так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением. Он искал, однако, сильных игроков, и в палатке Мамацева часто устраивались состязания между ним и молодым артиллерийским поручиком Москалевым. Последний был действительно отличный игрок, но ему только в редких случаях удавалось выиграть партию у Лермонтова.

Владимир Александрович Соллогуб, граф (1813–1882), писатель, мемуарист:

Лермонтов, одаренный большими самородными способностями к живописи, как и к поэзии, любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого подымалась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом. В таком изображении отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазия.

Поэт и женщины

Александр Матвеевич Меринский:

Лермонтов, как сказано, был далеко не красив собою и, в первой юности, даже неуклюж. Он очень хорошо знал это и знал, что наружность много значит при впечатлении, делаемом на женщин в обществе. С его чрезмерным самолюбием, с его желанием везде и во всем первенствовать и быть замеченным, не думаю, чтобы он хладнокровно смотрел на этот небольшой свой недостаток. Знанием сердца женского, силою своих речей и чувства он успевал располагать к себе женщин, – но видел, как другие, иногда ничтожные люди легко этого достигали.

Евдокия Петровна Ростопчина. *Из письма Александру Дюма 27 августа/10 сентября 1858 г.:*

Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посещать и общество, где он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покидать и оставлять в тщетном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюбленного в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность. Мне случалось слышать признания нескольких из его жертв, и я не могла удержаться от смеха, даже прямо в лицо, при виде слез моих подруг, не могла

не смеяться над оригинальными и комическими развязками, которые он давал своим злодейским донжуанским подвигам. Помню, один раз он, забавы ради, решился заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять его место, родители невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нем ужасы. Это письмо написал он сам, и затем уже более в этот дом не являлся.

Михаил Юрьевич Лермонтов. *Из письма М. А. Лопухиной 23 декабря 1834 г.:*

Я ухаживаю и вслед за объяснением в любви я говорю дерзости; это еще меня немного забавляет, и хотя это не совсем ново, по крайней мере редко встречается! Вы подумаете, что за это меня попросту выпроваживают... ну нет, совсем наоборот... женщины так созданы; я начинаю держать себя с ними самоувереннее; ничто меня не смущает – ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, а мое сердце довольно холодно; оно бьется только в исключительных случаях: не правда ли, далеко пошел...

Николай Соломонович Мартынов:

Он считал постыдным признаться, что любил какую-нибудь женщину, что приносил какие-нибудь жертвы для этой любви, что сохранил уважение к любимой женщине: в его глазах все это было романтизм, напускная экзальтация, которая не выдерживает ни малейшего анализа.

Михаил Юрьевич Лермонтов. *Из письма А. М. Верецагиной. Весна 1835 г.:*

Алексей мог вам рассказать кое-что о моем образе жизни, но ничего интересного, если не считать завязки моих амурных приключений с Сушковой, развязка которых была еще более занимательна и забавна. Я начал ухаживать за ней не потому, что это было отблеском прошлого, – сперва это являлось предлогом для времяпровождения, а затем, когда мы пришли к доброму согласию, сделалось расчетом и вот каким образом. Я увидел, вступая в свет, что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно займутся мной, сначала из любопытства, а потом из соревнования.

Я понял, что С., желая меня *словить* (технический термин), легко со мной скомпрометирует себя. Поэтому я ее скомпрометировал по мере моих сил, не скомпрометировав одновременно самого себя. Я обращался с ней публично как со своей, давая ей понять, что это единственный способ покорить меня... Когда я увидел, что это мне удалось и что лишний шаг меня погубит, я пошел на смелое предприятие: прежде всего на людях я сделался более холоден, а наедине с ней нежен, чтобы показать, что я ее больше не люблю и что она меня обожает (что, по существу, неверно). Когда она начала это замечать и захотела сбросить ярмо, я первый публично покинул ее. Я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней при людях, я ухаживал за другими и рассказывал им (по секрету) ту часть истории, которая была в мою пользу. Она была так смущена этим неожиданным образом действий, что сначала растерялась и покорилась. Это дало повод к толкам и придало мне вид человека, одержавшего полную победу. Потом она воспрянула и стала повсюду бранить меня. Я же ее предупредил, и ее ненависть показалась ее доброжелательницам (или недоброжелательницам) оскорбленной любовью. Потом она попыталась вернуть меня притворной грустью, рассказывая всем моим близким знакомым, что она любит меня. Я не вернулся и воспользовался искусно всем этим. Я не в силах рассказать вам, как все это обернулось мне на пользу, это было бы слишком длинно и касается людей вам неизвестных. А вот забавная сторона истории: когда я увидел, что следует публично порвать с нею и, однако, наедине с ней казаться верным, я вдруг нашел очаровательное средство – написал анонимное письмо: «Сударыня, я человек, который вас знает, но вам неизвестен и т. д... предупреждаю, остере-

регайтесь этого молодого человека. М. Л. – Он вас обольстит – и т. д. – Вот доказательства (глупости) и т. д...». Письмо на четырех страницах! Я ловко направил письмо так, что оно попало прямо в руки тетки. В доме гром и молния! На следующий день я отправляюсь туда рано утром, так чтобы ни в каком случае не быть принятым. Вечером на балу я с удивлением рассказываю все это Сушковой. Она мне поверяет ужасную и непонятную новость. Мы пускаемся в догадки. Наконец, она говорит, что ее родные запрещают ей разговаривать и танцевать со мной. Я в отчаянии, но я остерегаюсь нарушить запрещение тетки и дядюшек. Так происходило это трогательное приключение, которое, конечно, составит вам обо мне хорошенькое мнение! Впрочем, женщины прощают всегда зло, которое причиняется женщине (афоризм Ларошфуко). Теперь я не пишу романов, – я их делаю.

Виссарион Григорьевич Белинский. *Из письма В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.:*

Женщин ругает: одних за то, что бляди, других за то, что не бляди. Пока для него женщина и блядь – одно и то же. Мужчин он также презирает, но любит одних женщин и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский.

Родные и близкие

Предки

Лермонтовы

Павел Александрович Висковатов:

Фамилия шотландских предков нашего героя сохранилась и до сих пор в Шотландии, в графстве Эдинбург, где живут Лермонты в поместье Дин (Dean). По шотландским преданиям, фамилия Лермонтов восходит к XI веку. В это время Лермонты или уже находились в Шотландии, или, вернее, пришли туда из Англии вместе с королем Малькольмом. Малькольм, как гласят древние хроники, бежал в Англию, когда отец его, Дункан, был умерщвлен Макбетом. Там он собрал вокруг себя бежавших из Шотландии танов и, получив помощь от английского короля Эдварда, двинулся против узурпатора. Победив Макбета, павшего в сражении от руки Макдуффа, Малькольм в 1061 г. короновался в Сконе, а затем созвал парламент в Форфере. Около Форферы находился холм, именуемый «Сапожным холмом» (Boothill). По преданию, холм этот составил вследствие обычая, по которому вассалы, в знак подданства, приносили своему ленному владельцу сапог земли из своих поместий. Здесь-то Малькольм возвратил приверженцам своим земли, отнятые от них Макбетом, а пришлецов из Франции, Англии и других стран, присоединившихся к нему, одарил владениями. Он возводил их в графское, баронское или рыцарское достоинство, и многие стали

затем именоваться по имени полученных поместий. Таким образом тогда появилось много новых шотландских фамилий. Между одаренными приверженцами Малькольма упоминается и Лермонт. Лермонт получил поместье Рэрсии (Rairsie), и ныне находящееся в графстве Файф в Шотландии, но уже не в руках фамилии Лермонтов. Шекспир в известной своей трагедии воспользовался, почти дословно, рассказом хроники, и предок нашего поэта легко бы мог попасть в число называемых драматургом шотландских фамилий, назови Шекспир еще двух-трех танов.

Другой известный английский писатель, Вальтер Скотт, написал балладу в трех частях «Певец Фома» («Thomas the Rhymer»), в коем изображается один из предков Михаила Юрьевича, шотландский бард Лермонт. Этот Фома Лермонт жил в замке своем, развалины коего и теперь еще живописно расположены на берегах Твида, в нескольких милях от слияния его с Лидером. Развалины эти носят еще название башни Лермонта (Learmonth Tower). Недалеко от этого поэтического места провел Вальтер Скотт детство свое и здесь построил себе замок, знаменитый Аббатсфорт. В окрестностях еще жили предания о старом барде, гласившие, что Фома Эрсильдаун, по фамилии Лермонт, в юности был унесен в страну фей, где и приобрел дар ведения и песен, столь прославивших его впоследствии. После семилетнего пребывания у фей Фома возвратился на родину и там изумлял своих соотечественников даром прорицания и песен. За ним осталось название певца и пророка. Фома предсказал шотландскому королю Александру III смерть накануне события, стоившего ему жизни. Верхом на лошади король чересчур близко подъехал к пропасти и сброшен был испуганным конем на острые скалы.

В поэтической форме изложил Фома предсказания будущих исторических событий Шотландии. Пророчества его ценились высоко, и еще в 1615 году были они изданы в Эдинбурге. Большою известностью пользовался он и как поэт. Ему приписывается роман «Тристан и Изольда», и народное предание утверждает, что по прошествии известного времени царица фей потребовала возврата к себе высокочтимого барда, и, дав прощальное пиршество, покинул он свой замок – Эрсильдаун. <...>

Шотландская фамилия Лермонтов считает Фому Лермонта одним из своих предков, но точных сведений о дальнейшей судьбе всех членов рода в Шотландии нет, что и понятно: при тех страшных смутах, которые переживала не раз Шотландия, трудно проследить историю отдельной фамилии. Зато у нас на Руси сохранились верные данные о той отрасли Лермонтов, которая прибыла к нам из Шотландии. Историческое значение предания о связи фамилии Лермонтов с испанским герцогом Лермой сомнительно.

В XVII веке, во время смут в Шотландии, один из Лермонтов покинул страну. По дошедшим до нас данным, это был Юрий (Георгий) Андреевич Лермонт, основатель русской отрасли Лермонтовых. Выехал он из Шкотской земли сначала в Польшу, оттуда на Белую (город Смоленской губернии) и потом уже прибыл в Москву еще до 1621 года, потому что уже в этом году царь Михаил Федорович дарит его 8#ю деревнями и пустошами в Галицком уезде, в Заблоцкой волости. По указу царя, Лермонту было велено обучать «рейтарскому строю новокрещенных немцев старого и нового выезда, равно и татар».

Юрий Андреевич именуется поручиком (или ротмистром), и уговор с ним был заключен боярином Иваном Борисовичем Черкасским.

У Юрия Андреевича было три сына: Вилим (Вильям), Петр и Андрей. Только средний оставил потомство. Этот Петр Юрьевич был в 1656 году, указом царя Алексея Михайловича, сделан воеводою Саранска, да велено было ведать «по черте» иные города и пригородки. У него опять был сын Евтихий или Юрий, что одно и то же. Во-первых, на Руси двойственность имени не была редкостью, а во-вторых, дети Евтихия называются в родословной Юрьевичами. Этот Евтихий или *Юрий* был в 1679 году царем Федором Алексеевичем пожалован стряпчим, а в 1682 году стольником и эту должность исправлял еще в 1692

и 1703 годах. Затем мало-помалу род захудал, хотя иногда мы встречаемся с представителями этой фамилии в различных исторических актах. Замечательно, что старшие сыновья всегда назывались по деду, так что мы постоянно встречаем то Петра Юрьевича, то Юрия Петровича. Поэт наш был последним представителем старшей линии и происходил от Лермонта, «выходца из Шкотской земли», в восьмом колене. По традициям семьи, он должен бы называться по отцу – Петром, но бабушка Арсеньева настояла на том, чтоб его назвали Михаилом – по деду с материнской стороны.

Фамилия Лермонтова должна официально писаться через «а» – потому, что так записана эта фамилия в актах и гербовнике. Правильно же писать через «о», как пишется шотландская ветвь. Если родоначальника русских Лермонтовых, шотландца Лермонта, в древних актах пишут через «а», то это можно объяснить московским аканьем, тем более что в имени Лермонтова имеется ударение на первом слоге. Поэт наш писал имя свое сначала через «а» и уже после стал писать на «о» – Лермонтов, – и подписывался он так главным образом в печати, под своими сочинениями. И затем к концу 30 годов стал писать через «о» и в письмах, к тем же лицам адресованным, с которыми прежде писал через «а».

Столыпины

Павел Александрович Висковатов:

Елизавета Алексеевна (бабушка Лермонтова. – Сост.), урожденная Столыпина, была дочь богатого помещика Алексея Емельяновича Столыпина, давшего многочисленному своему семейству отличное воспитание. Многие из членов этой семьи представляли собою людей с недюжинными характерами, самостоятельных и даровитых. Сперанский был с ними в самых приязненных отношениях, и они поддерживали дружбу с ним даже и во время его опалы, когда многие боялись иметь к нему какое-либо отношение.

Сам Алексей Емельянович был человек бывалый, упрочивший состояние свое винными откупами, учрежденными при Екатерине II. Событыльник гр. Алексея Орлова, Алексей Емельянович усвоил себе и повадки, и вкусы его. Он был охотник до кулачных боев и разных потех, но всему предпочитал театр, который в симбирской его вотчине был доведен до возможного совершенства и, перевозимый хлебосольным хозяином в Москву, возбуждал общее удивление. Актерами были крепостные люди, но появлялись на сцене порою и домохладцы, и гости.

Дочери Алексея Емельяновича, девицы крепкого сложения, рослые и решительные, повыходили замуж уже в почтенном возрасте.

Бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева

Последний помощник отвожасило бызгов
Увсидать судьбу жидкая сетово;
се добав было ражсать, но не ружет у Дюшай души...
о. Закаше и неворовь степеней...

Корнилий Александрович Бороздин:

Арсеньева, несмотря на свои шестьдесят лет, была очень бодрая еще старуха <...>. Высокая, полная, с крупными чертами лица, как все Столыпина, она располагала к себе своими добрыми и умными голубыми глазами и была прекрасным типом, как говорилось в старину, степенной барыни.

Моисей Егорович Меликов:

Е. А. Арсеньева была женщина деспотического, непреклонного характера, привыкшая повелевать; она отличалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей при том высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую.

Петр Кириллович Шугаев (1855–1917), пензенский помещик, краевед:

Хотя Елизавета Алексеевна и была сурова и строга на вид, но самым высшим у нее наказанием было для мужчин обрить половину головы бритвой, а для женщин отрезание косы ножницами, что практиковалось не особенно часто, а к розгам она прибегала лишь в самых исключительных случаях.

Павел Александрович Висковатов:

По рассказам знавших ее в преклонных годах, Елизавета Алексеевна была среднего роста, стройна, со строгими, решительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая речь подчиняли ей общество и лиц, которым приходилось с нею сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всем говорила «ты» и никогда никому не стеснялась высказать, что считала справедливым. Прямой, решительный характер ее в более молодые годы носил на себе печать повелительности и, может быть, отчасти деспотизма, что видно из отношений ее к мужу дочери, к отцу нашего поэта. С годами, под бременем утрат и испытаний, эти черты сгладились, – мягкость и теплота чувств осилили их, – хотя строгий и повелительный вид бабушки молодого Михаила Юрьевича доставил ей имя Марфы Посадницы среди молодежи, товарищей его по Юнкерской школе. В обширном круге ее родства и свойства именовали ее просто «бабушка». <...> Елизавета Алексеевна, бабка Лермонтова, сочеталась браком с гвардии поручиком Михаилом Васильевичем Арсеньевым, который был моложе ее лет на восемь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.